

Дмитрий Голынко-Вольфсон

И.П. Смирнов. Кризис современности. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 296 с. ISBN 978-5-8679-3787-4.

Дмитрий Голынко-Вольфсон. Адрес для переписки: Российский институт истории искусств, пл. Исаакиевская, 5, Санкт-Петербург, 190000, Россия. dmitrygolynko@gmail.com.

Комплекс меланхолического разочарования в современности (и попутно отчаянной надежды с ней совпасть, стать ей соразмерным) иронично преподнесен в романтической комедии Вуди Аллена «Полночь в Париже» (2011). Аллен с шутивным лукавством доказывает, что не существует априорно хорошей современности. Не бывает современности, воспринимаемой как несомненный идеал, как гармоничная и совершенная среда обитания. Наоборот, каждая современность (сколь бы она ни была обустроена) расценивается как «место» дискомфортное, враждебное или даже катастрофичное. Центральный персонаж фильма, преуспевающий голливудский сценарист, недовольный гедонистической и скучноватой постиндустриальной современностью, во время предсвадебной поездки в Париж регулярно совершает авантюрные «прыжки во времени».

Ровно в полночь садясь то в старомодное авто, то в богатую упряжку, он обнаруживает себя сначала в кабаках и ателье богемных двадцатых (в компании с Хемингуэем, Фицджеральдом, Гертрудой Стайн и Пикассо), а затем – в роскошных и развеселых ресторанах Belle Époque (за одним столом с Дега, Гогеном и Тулуз-Лотреком). Окрыленный эйфорией от попадания в чужую легендарную современность, герой фильма постепенно убеждается, что ее обитатели считают выпавшую им эпоху чем-то мизерабельным и нудным, ностальгируя по великому и недоступному прошлому (для декадентов Fin de siècle объектом ностальгии и поклонения выступают титанические фигуры Ренессанса и их окружение). Иными словами, Аллен изящно демонстрирует, в чем заключается неизбежный «кризис современности». Современность сама по себе всегда находится под эпистемологическим подозрением. Ведь она является средоточием такой непреодолимой неудовлетворенности (собой и другими), которая и побуждает человека к продуцированию новых идей, концепций, знаков, теорий, текстов, универсалий.

Программная книга филолога, историка и теоретика культуры И.П. Смирнова «Кризис современности» претендует на то, чтобы разобраться, каковы параметры нынешней модели современности? Почему человек сегодня испытывает приступы паники и у него появляются депрессивные синдромы в связи с утратой причастности к современности, с потерей возможности ей управлять и ее регулировать? Сразу следует отметить, что в постсоветской России за последние два десятилетия практически не появилось книг, где осуществлялась бы аналитическая проработка понятия «современность», где была бы предложена неожиданная интерпретация этого феномена.

Подобная нехватка книг, вписывающих современность в глобальную историко-культурную панораму, вполне объяснима – ведь на протяжении постперестроечных декад русская культура занималась преимущественно проговариванием травматических эффектов, вызванных распадом советского утопического проекта (с его установками на коммунистическое преобразование реальности и верой в свое всемирно-историческое значение). Культурное сознание в этот период стремилось отыскать или изобрести такие альтернативные версии прошлого, которые бы сумели терапевтически исцелить травму (возникшую в результате прерывания советской имперской истории) и одновременно подменить собой жуткое, коррумпированное настоящее. Иными словами, современность в постсоветской культуре представляла (и предстает) ретроспективной иллюзией, коллективным фантазмом, где на место конкретной социальной реальности подставлена исправленная и вымышленная модель прошлого.

Книга И.П. Смирнова показательно «выламывается» из этой местной традиции утешительного и компенсаторного «бегства в желаемое прошлое». Она говорит о «современности» как о планетарном феномене, требующем сегодня радикального пересмотра в масштабе всей глобальной цивилизации в силу распространения экономических и социальных кризисов или разрастания протестных и революционных движений. В своем трактате И.П. Смирнов подхватывает тот пафос «критики современности», который выражен в аналитических концептах Фредерика Джемисона («сингулярная современность»), Зигмунта Баумана («жидкая современность»), Бориса Гройса («ультрасовременность»), Энрике Дусселя («транссовременность»). Очевидно, что представления о современности неуклонно преобразуются в эпоху неолиберализма с его диктатом корпоративно-менеджерских отношений, поэтому крупнейшие мировые теоретики пытаются уловить ход и направление таких трансформаций, предсказать, что станет с понятием «современность» в недалеком будущем, останется ли оно вообще.

По мнению Смирнова, крах мировой финансовой системы, сопровождаемый неразрешимыми трудностями в ипотечном и банковском секторах, а также перспективой всемирной рецессии, приводит к тому, что управленческие функции в сфере культуры переходят от человека исторического к «человеку экономического» (термин, развитый в одноименной книге Кристиана Лавалея). Экономический человек (в отличие от исторического) сосредоточен на минимизации рисков и извлечении мгновенной выгоды. По утилитарным соображениям коммерческой пользы он уже не заинтересован в дальнейшем «запуске» больших культурно-символических проектов.

Кризис современности заявляет о себе в тот момент, когда, благодаря триумфу рыночной идеологии, а также «росту капиталов и промышленного производства», «большие культурные инициативы» (с. 11) оказываются полностью исчерпаны и финансово несостоятельны, отчего, по словам И.П. Смирнова, возникает «идеокультурный застой»: «“Кризис современности” подразумевает и болезненное состояние теперешнего товарно-денежного и идейного обращения, и наступившую безысходность модернизаций, наметившийся простой в до того бесперебойной истории современностей» (с. 19).

Современность в трактовке Смирнова совпадает со сферой идеократии, надеющейся сакральной властью и творческим потенциалом именно идею; нынешний режим монетократии не нуждается в таком видении современности, не прибегает к ее преобразовательным ресурсам, считает ее зоной безостановочного кризиса.

Подобно предыдущим книгам И.П. Смирнова – «Homo Homini Philosophus...» (1999), «Социософия революции» (2004) и «Генезис» (2006), – «Кризис современности» представляет собой подробнейший экскурс (на грани интеллектуального эссе и академического изыскания, с привлечением великолепной эрудиции и отточенным мастерством логической аргументации) в различные гуманитарные и социальные дисциплины. Например, в культурную антропологию, (пост)классическую философию с ее гносеологическими доктринами и этическими учениями, этнографию и этнологию, лингвистику, социологию и политологию, cultural studies, интеллектуальную историю и теорию медиа. Отдельные части книги по жанровой специфике напоминают автобиографические мемуары (например, воспоминания о Д.С. Лихачеве и работе под его началом в стенах Пушкинского дома до эмиграции автора в Германию), другие – страстные и полемические, порой язвительные отклики на прочитанные книги (значимый фрагмент посвящен весьма критичному отзыву на сочинение Ханса Ульриха Гумберта «1926»). В тексте книги постоянно, подобно интеллектуальным маякам, фигурируют имена Шлейермахера и Дильтея, Бергсона и Плесснера, Гуссерля и Хайдеггера, Рикера и Гадамера. Герменевтическое прочтение современности (ее экзегетика, расшифровка ее сокрытых кодов и сокровенных смыслов) соседствует в работе И.П. Смирнова с ее феноменологическим осмыслением путем эйдетической редукции и поиска ее сущностных основ.

Когда И.П. Смирнов задается вопросом о нашем местонахождении в современности («Где мы теперь? В какой действительности мы очутились?» (с. 129)), он не только опирается на методы точного научного знания, но еще и вписывает современность в горизонт мистического, религиозно-метафизического опыта. Идеокультурная модель современности, разрабатываемая Смирновым, предполагает привязанность к базовой фундаментальной идее – идее спасения. Смирнов указывает на сквозную тему своей книги: «...за великим множеством идей кроется общая им идея спасения. Идея идеи есть провозвестие (kerygma) и откровение (apokalypsis)» (с. 174). Кризис современности мотивирован тем, что все присягавшие Большим идеям сотериологические проекты Нового времени, проекты прогрессистские или консервативные, утопические или реваншистские (коммунизм или фашизм, коммунитарный анархизм или либеральная демократия) в нулевые годы существенно растратили не только свою преобразовательную энергию, но и свое содержательное наполнение. Современность, следуя тезисам И.П. Смирнова, тогда осознается как современность, когда она содержит в себе сотериологические компоненты. Если эти компоненты подменяются стратегиями рыночного успеха и маркетинговыми практиками обогащения, современность предстает как территория экзистенциального и гуманитарного провала.

Завершить эту рецензию хотелось бы на оптимистической ноте (и еще одной кинематографической ассоциацией). Возможно, именно человек экономический,

панически неуверенный в материально благополучном будущем и угнетаемый страхом перед растущим имущественным и социальным неравенством, сегодня сумеет предложить новую спасительную идею – идею нерыночной кооперации вне традиционных выборных институтов представительской демократии. Недаром Кристиан Лаваль утверждает, что экономический человек занят не только механическими операциями купли–продажи, но и выработкой морально-нравственных кодексов «бухгалтерии жизни», а также этических законов «арифметики спасения».

На рубеже 2011–2012 годов Стивен Спилберг выпускает военную драму «Боевой конь»; режиссер метафорически приравнивает мобилизованное и одновременно растерянное состояние современного человека к бешеной, обезумевшей скачке боевого коня под перекрестным огнем, по ничейной земле, опутанной ключей проволокой. Куда скачет этот аллегорический боевой конь? Зачем? Кому впоследствии будет принадлежать эта ничейная земля? Все эти экзистенциальные вопросы остаются пока без ответа. Очевидно одно: всестороннее историко-культурное осмысление и диагностика «кризиса современности» позволяет уже сегодня начать продумывать те фундаментальные принципы, на которые будет опираться современность в совсем не далеком будущем.